

ДМИТРИЙ КОРОВНИКОВ

АДМИРАЛ
ИМПЕРИИ

67

ХРОНИКИ

Дмитрий Коровников Адмирал Империи - 67

<https://litres.ru/74234608>

SelfPub; 2026

Аннотация

Из дневника адмирала Василькова А.И. — командующего русского экспедиционного корпуса:

Запись 469: «Сегодня стёр с карты сектора три обитаемых мира. Население – 6 миллионов человек. Потери флота – приемлемые...»

Запись 2013: «Мятеж в 22-ой «гренадерской» подавлен. Казнено более 3000 офицеров и нижних чинов дивизии. Среди них – мои однокурсники...»

Запись 55298: «Война с Конфедерацией завершена. Наши потери – 60% личного состава. Победа. Мне присвоили еще одну Золотую звезду. Она пахнет кровью...»

Согласитесь, не очень похоже на мемуары героя. Больше на сухие строчки военных донесений, за которыми – выжженные планеты и погибшие флоты. Это правда о том, как делается история экспансии. Без патетики. Без оправданий. Без жалости.

Каждая запись – еще один шаг к трону... или к эшафоту.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дмитрий Коровников

Адмирал Империи - 67

Глава 1

Канал с «Елизаветой Первой» погас, и мостик «2525» несколько секунд жил одним шорохом вентиляции. Государь простился со мной коротким кивком и одной фразой: «Не опаздывайте, Александр Иванович, у нас гости». Восемь лет, тёмные круги под глазами и умение назвать сотню вымпелов вице-адмирала Суровцева гостями. Я улыбнулся погасшему экрану и собирался убрать улыбку раньше, чем её заметит Пападакис.

Не успел.

— Он ничего не спросил, — произнёс Айк тоном человека, пробующего ногой лёд. — Мы подводим к столичной планете половину Константинова Вала на чужих буксирах, а его величество даже не поинтересовался, откуда они у нас взялись.

— Поинтересовался. Он спросил, все ли живы. — Я развернул кресло к обзорному экрану. — Это тот же вопрос, заданный человеком, который умеет считать.

Посмотреть и правда было на что. Караван тянулся за нашей кормой растрёпанной вереницей: транспорты и баржи

с оспинами старых ремонтов, а под свежей американской маркировкой местами ещё проступала кириллица — «Ольга», «Ясногорск», «Двенадцатый рейс». За каждым буксиром на магнитных тросах шли по три форта Вала, нимидийские глыбы с тусклыми бортовыми огнями, и вся эта конструкция двигалась к Суражу-4 с достоинством похоронной процессии, которая по недоразумению опаздывает на свадьбу.

— Темп держат, господин контр-адмирал, — доложил штурман и, против всякого обыкновения, добавил от себя: — Все шестьсот.

— Докладывайте каждые полчаса, — попросил я. — Мне с вашими докладами как-то спокойнее.

Айк молчал, и молчание давалось ему тяжело: он дважды поправил ровный ворот кителя и один раз проверил замок кресла-лонжерона, к которому пристёгиваться было ещё рано. Вопрос, который капитан второго ранга Пападакис не задавал, звучал примерно так: где русский контр-адмирал посреди чужой оккупированной системы взял две сотни исправных корпусов и вернулся, не потеряв ни одного человека. Объяснять это на мостике за четыре часа до боя я не собирался, так что расскажу вам. Вернёмся на трое суток назад, в тёмный угол ангара «Йорктауна», за корму крайнего десантного шаттла, где я как раз предложил командору Смитту присесть.

Ящик с креплениями, на который опустился Абадайя, вы-

сказался по этому поводу всем своим металлом.

Сразу признаюсь: одной фразы не хватило. Не хватило и получаса. Мы препирались в этой технической зоне так долго, что караул у шлюза успел дважды сменить позу, а я — трижды пожалеть, что вообще знаком с этим человеком.

— Я ещё могу дать эсминцам команду, — сказал он, разглядывая собственные колени.

— Можешь. И через десять минут полковник Дорохов будет решать у тебя в реакторном отсеке, кого из твоих людей брать живыми.

— Не пугай меня своим полковником. Я его лицо видел на твоей картинке, мне теперь месяц спать при свете. — Абадайя поёрзал, и ящик под ним пожаловался снова. — Вот что обидно, Сашья. Ты ведь не блефуешь. Я всю войну ищу русского, который блефует, и всё время нахожу тебя.

Он был прав, и оба мы это знали. С каждым доводом он становился сговорчивее — не оттого, что я был красноречив, а оттого, что собственная гибель в его планы не входила категорически, а мой характер он изучил ещё в те времена, когда я вытаскивал его из безнадёжных передраг. Осторожный человек в большом теле умеет считать быстро.

— Хорошо, — сказал он наконец, и обиды в голосе стало меньше, чем усталости. — Допустим. Допустим! Но дожатый человек — ещё не согласившийся. Мне нужно чем-то оправдаться перед начальством, а у меня нет ни одной бумажки, в которой слова «я отдал русским корабли» выгля-

дели бы прилично.

— Бумажка будет, — пообещал я. — И к ней приложение.

Я полез во внутренний карман кителя. Абадайя следил за моей рукой с брезгливым любопытством человека, которому сейчас предложат взятку и который заранее знает, что откажется — из принципа, разумеется, и непременно вслух.

Свою огромную ладонь он подставил машинально, и я высыпал в неё горсть с горкой.

Бриллиантовый империал — самый дорогой номинал Российской Империи, точный аналог их бриллиантового доллара, и курс этот Абадайя знал наизусть, как всякий человек, всерьёз собирающийся дожить до пенсии. Монеты легли в ладонь с тем негромким солидным звуком, ради которого их, подозреваю, и «чеканят» именно такими.

Он не спросил, откуда они и почему их столько. Он начал считать.

Считал молча, сдвигая монеты пальцем в две неровные кучки, и лицо у него в эту минуту принадлежало не командующему силами обороны системы, а мальчику, который пересчитывает сдачу трижды и всё равно не верит. Я не мешал. Есть переговоры, в которых лучшая реплика — тишина.

— Сто восемьдесят семь, — выговорил он, и голос его сел на октаву. — Сашья. У контр-адмиралов не бывает таких денег.

— У меня бывает.

Он поднял на меня глаза, подержал вопрос на языке и про-

глотил. Вот за что я его люблю: Абадайя Смит умеет не спрашивать. В его картине мира происхождением денег интересуются только те, у кого их нет.

— Так, — произнёс он деловито и совершенно другим человеком. — Так-так-так. Значит, аренда.

— Аренда, — подтвердил я. — Частный иностранный торговец и промышленник, ведущий дела в Российской Империи, вывозит имущество и ресурсы из систем, где идёт гражданская война. Ему срочно нужны тягачи и топливо. Он вышел на командующего силами обороны «Лиды» с предложением, от которого командующий, взвесив интересы Республики, не счёл возможным отказаться.

— «Взвесив интересы Республики», — повторил Абадайя с наслаждением. — Хорошо сказано, запишу дословно. Дальше. Что именно я ему даю?

— Всё, что стоит у Лиды-5 и способно тянуть.

— Нет. — Он поднял палец. — Не так. Я сдаю ему хлам. Ржавые лоханки. Старьё, которое гниёт у меня на стоянке с начала войны и жрёт ресурсы.

Суда там стояли приличные и на ходу: трофеи, которые не решили кому продать, обычно держат в исправности. Но в рапорте командора Смита они с этой минуты становились рухлядью, и спорить я не собирался.

— Около двух сотен единиц, — продолжал он, входя во вкус. — Баржи, транспорты, буксиры, всё вперемешку. Сумма... — Он посмотрел на ладонь. Потом на меня. Потом сно-

ва на ладонь.

— Скажем, сто, — сказал я.

— Именно, — согласился он с подозрительной готовностью.

— А остальное?

— А остальное, — Абадайя ссыпал меньшую кучку обратно в горсть, а большую отправил куда-то в недра парадного мундира, и я не уследил куда, — в бумагах фигурировать не будет. Это, друг мой, называется амортизация.

— Разумеется. Однако у нас это называют — откатом.

— Не суть... В общем, топливо отдельной строкой, по казённой цене, честно, до литра. У меня безупречная отчётность, Сашья, я на неё два месяца потратил, пока сторожил эту свалку.

Оставался один вопрос, и я задал его нарочно — из тех соображений, что всё-таки не хотел его подставлять перед начальством.

— Абадайя. В нашем случае аренда явно не предполагает возврат.

К моему облегчению, командор посмотрел на меня с искренним недоумением, как смотрят на человека, испортившего хороший анекдот собственным пересказом.

— Возврат. Кому? Мне? Через год? — Он фыркнул. — Сенат считает вымпелы у национальных дистриктов, а не баржи на трофейной стоянке. Про них вспомнят в тот день, когда кто-нибудь захочет продать их на металл, — и знаешь,

что напишут в акте? «Убыль в связи с боевой обстановкой». Тут война с вами, там своя намечается. У всех бухгалтерия, ни у кого времени.

На том и порешили, двумя рукопожатиями, из которых одно едва не стоило мне пальцев.

Через двадцать минут магнитные тросы отпустили «Йорктаун», и два наших крейсера разошлись бортами, как расходятся собутыльники, у которых утром смена. Смятый нос американца я старался не разглядывать. Мы легли на курс к пятой планете в сопровождении двух эсминцев, которые всю дорогу держались на дистанции почётного караула и, подозреваю, были на чеку.

Трофейная стоянка открылась нам россыпью погашенных огней на фоне ржавого газового серпа: корабли стояли неровными группами, кормой к корме, будто их согнали сюда и забыли пересчитать. Абадаيه понадобилось два месяца, чтобы возненавидеть это кладбище. Мне хватило четырёх минут, чтобы его полюбить.

Документ он составил быстро и с той обстоятельностью, которая выдаёт человека, знающего, что бумагу будут читать недоброжелатели: электронный бланк, реестр по номерам корпусов, отдельная строка на топливо, подпись командора Абадаيي Смита, командующего силами обороны системы «Лида».

Вторую подпись ставил не контр-адмирал Васильков. Её ставил глава корпорации «Имперские Самоцветы» — част-

ное лицо, к военным действиям отношения не имеющее.

Я приложил браслет к пластине, и система, помолчав ровно столько, сколько молчит вежливый нотариус, приняла ключ. Наследником этой корпорации я перестал быть в тот день, когда подал документы в космофлот, и ни разу об этом не пожалел, но подпись за собой оставил. Так оставляют ключ от родительской квартиры: не затем, чтобы вернуться, а потому что выбрасывать глупо.

— «Имперские Самоцветы», — прочёл Абадайя вслух и посмотрел на меня поверх планшета долгим взглядом. — Самоцветы.

— Семейное дело.

— Я ничего не спрашивал.

— Ты спросил всем своим видом.

— Моё лицо к делу не подошьёшь, а подпись подошьёшь.

— Он щёлкнул по планшету пальцем. — Всё. Корабли твои, до последнего. Заправлю их сам, своими бункеровщиками: не нужно тебе здесь задерживаться.

Это была уже не сделка, а то, что в моём отечестве называют «на сдачу». Сдача вышла щедрой. Сначала два танкера, полных интария, — они шли отдельным пунктом договора, и цену командор назвал такую, что я на секунду заподозрил его в благотворительности, но промолчал, чтобы не спугнуть. Потом суда-генераторы его же охранения вывели весь мой разношёрстный караван в подпространство одним прыжком и высадили точно в районе перехода «Лида — Су-

раж», где стояли форты Константинова Вала.

Прощались мы под табло обратного отсчёта, которое американские техники зачем-то настроили на бодрый оранжевый цвет.

— Мама Аделаида Смит говорила: если друг уходит от тебя богаче, чем пришёл, — это был не друг, а родственник. — глядя на меня через экран, Абадайя вздохнул всей своей обширной грудью. — Ты уходишь беднее. С тобой я, выходит, просто дружу.

Он смахнул слезу.

— Береги себя, толстяк.

— И ты, — сказал он мне в макушку. — Только не прилетай больше...

Дальше пошла работа, за которую не дают орденов, потому что её нельзя описать в наградном листе. Контр-адмирал Беспалов встретил меня у Вала без единого лишнего слова: комендант, отстоявший на этих фортах не одну вахту, посмотрел на караван, посмотрел в расчёты и сказал, что по три на буксир — предел, четвёртый даёт увод по курсу и рвёт тросы на разгоне.

— Значит, по три, — согласился я. — Половину беру. Половина ваша.

— Вы понимаете, Александр Иванович, что если у Суража не сыграет, у меня здесь останется стена в один ряд?

— Понимаю. Если не сыграет, стена вам больше не понадобится.

Он подумал над этим ровно секунду и коротко кивнул. Старые гарнизонные служаки — самые здравомыслящие люди в космофлоте: им не нужно объяснять дважды то, что можно не объяснять вовсе.

Швартовые команды работали до вечера следующих суток. Форты снимали с вековых позиций, разводили маневровыми, вязали в тройки, крепили на буксиры; в эфире стояла ровная деловая ругань, к которой я прислушивался, как к музыке. Обратный путь мы проделали своим ходом, на интарии Абадайи, и топливо, надо отдать ему должное, оказалось не только честно проданным, но и хорошим.

Вот, собственно, и весь фокус. Никакой военной гениальности: старый приятель, помятый нос, сотня морпехов в кадре и горсть монет, которых у контр-адмиралов не бывает. Хорошо, что нам с Абадаией хватило ума не выяснять, кто кого в этой истории использовал.

— Господин контр-адмирал. — Голос лейтенанта Завадовской вернул меня на мостик, и по одной интонации стало ясно, что смотреть придётся не на караван. — Зонды дальнего обнаружения. Обновление тактической обстановки.

Главный экран перестроился.

Они шли плотно и тяжело, не размениваясь на хитрости: красные отметки сходились в одно пятно так, как сходится кулак, и это пятно ползло к Суражу-4 с неторопливой уверенностью командующего, который дважды пересчитал свои силы и один раз — чужие.

— Головной опознан? — спросил Айк.

— Крейсер «Новороссийск», — ответила Завадовская.

Опознавать чей это флагман было лишним. Мы учились с ним на одном курсе, в Нахимовском, и оба тогда полагали, что счёт нам предъявят не раньше старости.

Я поднялся и встал у экрана, заложив руки за спину.

Момент истины, Валериан Николаевич.

Глава 2

— Могли бы не все отдавать.

Айк произнёс это в спину — тем особым тоном, каким на флоте говорят вещи, которые вообще не положено говорить. Я не обернулся. Красное пятно на главном экране ползло к планете, и у меня были причины считать его делом более срочным, чем финансовое положение капитана второго ранга Пападакиса.

— Ну, половину, — уточнил он. — Можно бы треть. Хотя бы двадцать штук, Александр Иванович, оставили бы. Двадцать штук — это уже дом на Деметре-3.

— Айк.

— Ладно, не дом. Квартира в приличном районе на первой линии.

Чтобы вы оценили масштаб трагедии, придётся уточнить. Речь идёт о той горсти бриллиантовых монет, которую я так живописно ссыпал в чужую ладонь. Империялы эти принадлежали Якиме Наливайко ровно до того вечера, когда Яким сел играть с Пападакисом, будучи твёрдо уверен, что грек с внешностью портового боксёра не умеет считать карты. Грек умел. Минут через пять Наливайко расстался с двумя сотнями монет, а Пападакис приобрёл репутацию человека, которого можно звать куда угодно, кроме карточного стола.

Выигрыш, как вы знаете, я конфисковал. Не из любви к

порядку — из любви к тишине: старший офицер с карманами, полными чужих денег, перестаёт быть офицером и становится происшествием, которое ждёт своего рапорта. Айк отнёсся к изъятию философски, поскольку пребывал в уверенности, что деньги лежат у меня как в банке и в назначенный час вернутся к нему с процентами и извинениями.

Последние трое суток он места себе не находил, когда узнал, что всё его состояние перекочевало в просторный карман Абадайи Смита.

— Нет, я не жалуясь, — сказал он, подходя и вставая так, чтобы я непременно видел его лицо. — Я лишь констатирую. Я нищий.

— Ты командир крейсера.

— Нищий командир крейсера. Звучит хуже, чем просто нищий, потому что от старшего офицера все чего-то ждут. — Он вздохнул. — И знаете, что самое обидное? Я ведь их честно выиграл. Один раз в жизни судьба посмотрела на меня внимательно, а вы отдали её за эти... баржи.

— За двести единиц гражданского флота.

— За баржи, — с достоинством повторил Айк.

Я улыбнулся. Я улыбался все эти трое суток, и улыбка доводила его сильнее любого спора. Пусть считает как хочет; я считал так: двести исправных корпусов достались мне примерно за двадцатую часть их реальной цены, и возвращать их я не собирался. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Сухогрузы, буксиры и балкеры уже сделали главное — дота-

щили к столичной планете то, чему по всем инструкциям положено стоять неподвижно; но война когда-нибудь кончится, а гражданский флот государя не соберётся сам из воздуха и патриотических речей. Тот, кто в такое время покупает такую эскадру за двадцатую часть, не транжира. Он просто выглядит транжирой в глазах человека, у которого эти деньги лежал в кармане.

— Анфиса Сергеевна меня бросит, — сообщил Айк тихо, будто ставя диагноз.

Лейтенант Завадовская, не поворачивая головы от пульта, произнесла ровным служебным голосом:

— Господин капитан второго ранга, канал с фортом «двенадцать» устойчив.

— Вы слышали? — Айк развёл руками. — Она даже не возражает.

— Я на вахте.

— На вахте не возражает. После вахты подумает и тоже не возразит.

Я отправил его проверять счисление: горе, которому дать волю, растекается на весь мостик, а мне нужно было смотреть на карту.

Карта мне не нравилась.

Эскадра Суровцева вела себя как человек, который прячется в комнате с одной дверью и делает вид, что комнат три. Она разошлась на малые группы, обходила Сураж-4 по дуге, ныряла в собственные помехи, выныривала не там, где её

ждали, и оставляла за собой серые мёртвые пятна — работу РЭБ-зондов «тумана войны», развешанных по всему пути к планете. Наши зонды дальнего обнаружения честно рисовали то, что видели, а видели они дырявое полотно, в прорехах которого мог прятаться крейсер, а могла и пустота.

В таком маневрировании нет ни красоты, ни выгоды. Дробить силы перед боем у планеты, где против тебя стоит эскадра с императором на борту, значит добровольно отказаться от единственного своего преимущества — перевеса. Я смотрел на эти петли и не мог понять, зачем Валериан, человек до отвращения последовательный, показывает мне три комнаты вместо одной.

— Может, он не нас путает, — предположил Айк, вернувшийся с расчётами и с прежним лицом. — Может, он путает кого-то, кого мы не видим.

Мысль была неприятная и потому здравая. Я велел внести её отдельной строкой в вахтенный журнал — на случай, если позже кому-нибудь захочется узнать, кто сказал это первым. Грек повеселел: у человека, лишившегося сбережений, остаются немногие радости, и попасть в документ — одна из них.

Я прогнал запись манёвров кораблей противника с начала суток ещё раз, уже медленно, и убедился в самом неприятном: рисунок был осмысленным. Группы расходились не как попало, а так, чтобы мёртвые зоны смыкались краями и образовывали сплошную полосу слепоты вдоль одного-единственного направления. Человек, который строит такую по-

лосу, обычно чего-то ждёт — или кого-то встречает.

— Показать командирам фортов? — спросил Айк.

— Пока нет. Людям, которые всю дорогу висели на чужих тросах, не нужно объяснять, что в темноте возможно всё, чего мы не видим. Они и так знают.

Между тем в колонне шла работа, которая одна оправдывала всю мою коммерцию.

Два танкера с интарием всю дорогу переливали топливо в форты. Это было похоже на кормление в семье, где двадцать детей и одна ложка. Танкер подходил к тройке, швартовался к среднему, тянул рукава к крайним, стоял ровно столько, сколько требовалось, и шёл к следующей. Крепости Константинова Вала строились в расчёте на станционные линии, но собственные баки у них есть, а раз есть баки, то есть и маневровые, и погреба, и всё остальное, что превращает стену в участника боя.

К подходу к орбите я вёл за собой уже не мёртвые глыбы на тросах. Я вёл заправленные, дышащие форты — каждый со своим комендантом, со своим гарнизоном и со своим особым мнением о том, как их следует буксировать.

Особые мнения я слушал вполуха. Меня интересовало другое.

— Она перестроилась, — сказала Завадовская.

Серые пятна гасли одно за другим, будто кто-то выключал свет в дальних комнатах и выходил в прихожую. Малые группы сходились. Петли выпрямлялись. Похоже, увидев на-

конец на сканерах дальнего обнаружения то, что тащилось к планете со скоростью и достоинством грузового обоза, эскадра перестала играть в прятки и легла на прямую.

— Прибавили ход, — доложил штурман, пожилой человек с повадкой чертить курс пальцем по стеклу, прежде чем доверить его машине. — Существенно.

Вот это был уже Валериан, которого я знал с Нахимовского: он умеет бросить красивый замысел в ту секунду, когда замысел перестал быть нужен. Ему стало ясно, что если форты встанут на орбите раньше него, штурмовать придётся непробиваемую стену, и весь его перевес превратится в статью расходов.

Он был прав. И он сильно опаздывал.

— Форсаж на буксиры, — сказал я. — Всем.

Штурман снял палец со стекла.

— Господин контр-адмирал, на форсаже растёт нагрузка на сцепку. Расчёт делался под маршевый режим.

— Расчёт делался под мирную буксировку. У нас она не мирная. Топливо есть?

— В избытке.

— Избыток — это когда топлива больше, чем нужно, чтобы дожить. Мы как раз пытаемся дожить. Форсаж.

Он ответил «есть» и передал приказ по колонне. Старые машины, купленные по цене металлолома у человека, который искренне считал их металлоломом, разом навалились на тяги, и колонна пошла тяжелее, злее, с той дрожью в корпу-

сах, которую чувствуешь подошвами раньше, чем видишь на приборах.

Этого было мало.

— Анфиса Сергеевна, дайте мне комендантов. Всех сразу, общим циркуляром.

На экране выстроилась мозаика из немолодых, обстоятельных, крайне неторопливых лиц. Коменданты фортов — отдельная порода людей: они годами живут внутри неподвижного объекта и приобретают неподвижность взгляда.

— Господа. Скоро решится, будет ли у столичной планеты оборона или у неё будет красивый некролог. Прошу запустить маневровые и работать ими на разгон вместе с буксирами. Курс и режим примете от головного.

Пауза вышла ровно такой, какую я ожидал.

— Господин контр-адмирал, — отозвался один из них, с шеей, не помещавшейся в воротник, — маневровые не предназначены для разгона. Мы их пожжём.

— Пожжёте.

— И ресурс...

— И ресурс. — Я кивнул. — Предупреждаю честно: в акте технического состояния это будет выглядеть отвратительно. Комиссия найдёт нарушения, и комиссия будет права. Но акт составляют после боя — и только в том случае, если мы окажемся у планеты первыми.

Лица в мозаике переглянулись через разделявшую их пустоту. Комендант пошевелил шеей и сказал:

— Разрешите выполнять.

Вскоре моя нелепая процессия окуталась короткими злыми факелами: крепости толкали сами себя, буксиры были на форсаже, и прирост скорости составил три единицы. Цифра, которая ничего не говорит человеку с улицы и всё говорит тому, кто хоть раз считал, кто войдёт в точку первым.

Первыми вошли мы.

Орбита Суража-4 встретила нас так, как встречает город, всю ночь ждавший врача. Корабли Зиминной стояли компактно, слишком компактно для такого пространства, и эта теснота говорила о её положении внятнее любого донесения.

Расцепка — самая неблагодарная часть всякой буксировки. Тащить груз легко; трудно вовремя отпустить его так, чтобы он остался там, где ты его отпустил. Буксиры гасили ход, тросы провисали и отходили, крепости одна за другой выползали из общей кучи и расходились по секторам — тяжело, без изящества, с той угрюмой уверенностью, с какой грузчики расставляют мебель в чужой квартире.

Коменданты работали маневровыми на торможение, выжигая теперь уже своё, от души, без всякого уважения к ресурсу, который они отстаивали два часа тому назад. Гарнизоны раскрывали башни, шевелили стволами, проверяли сектора обстрела, и над тонким ободом атмосферы медленно вырастало то, чего у этой планеты никогда не было: жёсткий, некрасивый, наспех собранный пояс огня.

Крепость становилась на место, гасила маневровые и до-

кладывала о готовности. Потом вторая. Потом третья. Голо-
са накладывались друг на друга, и в этом нестройном хоре
было больше военной музыки, чем во всём, что я слышал за
эту войну.

Айк стоял рядом и смотрел на это взглядом человека на
чужой свадьбе, купленной на его деньги.

— Красиво, — признал он наконец. — Не говорите нико-
му, что я так сказал.

— Не скажу. Это останется между нами и вахтенным жур-
налом, в который я тебя сегодня уже вписал.

Спорить с ним было незачем. Пояс, выросший над столи-
цей за несколько часов, действительно был оплачен чужим
карточным везением, и единственное, что я мог сделать для
пострадавшего, — не напоминать ему, что везение тоже бы-
ло чужим.

Запрос с «Елизаветы Первой» пришёл раньше, чем я
успел вытереть ладони о китель.

Государь сидел в кресле, которое было велико ему при-
мерно на целую жизнь. За его плечом в этот раз никто не сто-
ял, и мальчик явно готовился к разговору заранее: он держал
первую фразу во рту, как леденец, и старался не раскусить
её раньше времени.

— Вы не опоздали, Александр Иванович, — сказал он. —
Я знал, что вы не опоздаете.

— Ваше императорское величество преувеличивает мои
заслуги. Я опаздывал всю дорогу и перестал опаздывать

только в конце.

Он подумал над этим серьёзно, как думают дети его возраста, когда взрослые вдруг отвечают не по-праздничному.

— Мне сказали, что вы купили корабли у американцев, — произнёс государь осторожно. — Это ведь враги.

— Враги, ваше императорское величество.

— А если бы они вас обманули?

— Тогда я бы вернулся без фортов и без оправданий. Но в той сделке обман был им невыгоден. Это надёжнее честно-сти.

Мальчик кивнул и вдруг, забыв заготовленную торжественность, придвинулся к камере.

— А их можно будет потом посмотреть? Не корабли. Фор-ты. Изнутри.

— Когда всё закончится, — сказал я и тут же пожалел, потому что обещание было из тех, которые выполняются не только от тебя.

— Хорошо. — Он выпрямился и наконец выпустил леденец на волю: — От имени престола благодарю вас за службу, контр-адмирал.

Фраза была чужая, выученная, вероятно, ещё при отце..

Канал закрылся. Через минуту Завадовская сообщила, что есть ещё один вызов — закрытый, личный, не с мостика флагмана, а из каюты. Лицо у лейтенанта при этом сделалось таким служебным, что мне захотелось объясниться.

Настасья Николаевна была без фуражки, с расстёгнутым

верхним крючком кителя, и за её спиной виднелся кусок каюты, где кто-то явно жил, а не нёс вахту.

— Я буквально на пять минут, — сказала она вместо приветствия. — Личное время. Первое за девять суток, и я решила потратить его на вас. Оцените.

— Оценил.

— Недостаточно. — Она улыбнулась. — Знаете, что сказала вахтенная смена, когда вы вошли в систему? «Идёт цыганский табор». А потом развернулись форты, и никто уже ничего не говорил. Стояли и смотрели. На моём мостике не было ни одного доклада, и я, представьте, не сделала замечания.

— Это грубое нарушение, — улыбнулся я.

— Это единственное грубое нарушение, о котором я не жалею. — Она чуть наклонилась к камере. — Александр Иванович, вопрос не по службе. Вы вообще способны когда-нибудь прибывать вовремя? Не раньше срока, не под занавес, а как приличные люди?

— Приличные люди в этой войне заканчиваются первыми.

— Я заметила. — Пауза вышла длиннее, чем требовала беседа, и мы оба это услышали. — Мне вас не хватало. Как командующего эскадрой, разумеется.

— Разумеется.

— Исключительно как боевую единицу.

— Настасья Николаевна.

— Что?

Есть женщины, которым идёт усталость. Сидевшая передо мной командующая семнадцатой «линейной» дивизией, а в данный момент — эскадрой императора принадлежала к их числу, и я, будучи человеком трезвым и немолодым, отметил это сугубо как факт обстановки. Факт обстановки смотрел на меня с экрана и улыбался уголком рта.

И тут я сделал то, за что меня следовало бы разжаловать: посмотрел на часы.

Скажу в своё оправдание, что за прозрачным колпаком терминала висела планета, над ней стояли мои форты, а за краем этой картинки шёл к нам мой однокурсник, не имеющий ни малейших сомнений в своей правоте. Мужчина в такой ситуации имеет два варианта поведения, и оба неправильные.

— Настасья Николаевна, — сказал я мягко, — времени у нас мало. Я полагал, вы вызвали меня, чтобы обсудить схему обороны.

Лицо её изменилось не сразу.

Сначала оно стало очень вежливым. Потом очень спокойным. Потом на нём появилось выражение, с которым командующий смотрит на подчинённого, только что доложившего о поломке в самый неудачный момент.

— Разумеется, — произнесла она ровно. — Именно за этим.

— Я не хотел...

— Вы не хотели. Вы никогда не хотите, у вас удивительная способность. — Зимина выпрямилась, застегнула верхний крючок, и в кадре снова оказался контр-адмирал императорского космофлота. — Хорошо. Обсуждаем. Я передам вам схему секторов; у меня к ней есть замечания и одно возражение против собственного плана.

— Прежде чем мы начнём, один вопрос. — Я помедлил, но не спросить не мог. — Таисия Константиновна и вице-адмирал Хромцова так и не вернулись?

Температура упала на несколько градусов. Я почувствовал это даже через экран.

— Нет, — сказала Настасья Николаевна. — Не вернулись. Ни та, ни другая, ни вместе, ни по отдельности, ни с докладом, ни без. Я сообщу вам первому, поскольку вижу, что вопрос вас чрезвычайно волнует.

— Настасья Николаевна...

— Так, давайте всё-таки обсуждать план обороны...

Глава 3

Экран погас раньше, чем я закончил фразу.

Фраза, впрочем, была не из тех, что цитируют в училищах: нечто среднее между извинением и уточнением по существу — жанр, в котором мужчины моего возраста и звания беспомощны особенно трогательно. Так что обрыв связи следовало считать милосердием, хотя исполнен он был в манере, начисто исключавшей милосердие как мотив.

— Канал закрыт с той стороны, — доложила лейтенант Завадовская голосом, каким читают прогноз погоды для чужого полушария.

— Я заметил, Анфиса Сергеевна.

— Повторный вызов?

— Ни в коем случае.

У человека, перед которым только что закрыли канал, есть ровно один достойный выход, и состоит он не в том, чтобы немедленно постучаться снова. Хуже того, Настасья Николаевна была права, и это раздражало сильнее самого факта. Схему обороны столичной планеты не обсуждают вдвоём, вполголоса, из каюты, с интонациями, к обороне никакого отношения не имеющими. Её обсуждают при карте, свидетелях и при тех адмиралах, которым потом всё это исполнять. Мы додумались до одного и того же, только она додумалась первой и оформила эффектнее.

Значит, следовало лететь на её флагман.

Я постоял немного, глядя на погасший экран, и мысленно проделал ту небольшую работу, которую проделываешь уже машинально: отложил в сторону всё, чему в ближайшие четыре часа не найдётся применения. Обиду. Незаконченную фразу. Ту минуту в начале разговора, ради которой, судя по всему, разговор и затевался и до которой мы благополучно не добрались. Всё это аккуратно легло в дальний ящик, где у меня хранятся вещи, о которых лучше вспомнить после боя, если будет чем вспоминать.

— Аякс.

Грек поднял голову от консоли с выражением человека, которого наконец позвали заниматься тем, что он умеет.

— Сколько вам нужно, чтобы добраться «Елизаветы Первой»?

— На маршевых? — уточнил он.

— Нет, на честном слове.

Есть вопросы, после которых Айк становится другим человеком. Всё время перехода он тащился в голове колонны со скоростью самого тяжёлого балкера, страдал вслух и подсчитывал убытки. Сейчас он выпрямился, и в глазах у него появилось нехорошее выражение владельца быстрой машины, которому разрешили.

— Четверть часа. Если не жалеть.

— Не жалейте, капитан.

— Александр Иванович, после такого машине потребует-

ся...

— После такого мне самому потребуется многое, и всё это я буду просить у людей, которые сегодня в настроении давать. Включай форсаж.

Крейсер вышел из строя так, как выходит из-за стола человек, услышавший за дверью своё имя. Колонне я приказал держать прежний порядок и ничего не изобретать: изобретать у неё плохо получается по конструкции. Планета росла впереди, и за четверть часа — Айк уложился, разумеется, в четырнадцать минут и сообщил об этом дважды — «2525» обошёл всё, что двигалось в этом секторе, и лёг в дрейф рядом с громадой линкора контр-адмирала Зиминной.

В переходном отсеке меня ждал Дорохов.

— Пятеро сопровождающих, господин контр-адмирал.

— Кузьма Кузьмич, это императорский линкор.

— Тем более.

Красный огонёк искусственного глаза горел ровно, без всякого желания обсуждать вопрос дальше, и я сделал то, что делает всякий разумный человек на моём месте: занял место в шаттле и перестал спорить.

«Елизавета Первая» изнутри производит впечатление, которого не производит снаружи. Снаружи это линкор. Внутри это учреждение, в котором война идёт по расписанию: коридоры вымыты, палубные вахтенные стоят с той особенной прямоотой, какая появляется, когда мимо тебя который день подряд ходит государь, и даже воздух в переходах пахнет не

гарью и не потом, а хорошо поставленной службой. Я шёл через этот идеальный порядок, и чувствовал себя примерно как человек, которого позвали в гости прямо с погрузки.

Рубка встретила меня голубоватым сумраком и полукругом постов, за которыми сидели люди, приученные не оборачиваться на входящих. Оборачиваться было кому и без них.

Государь стоял. Не сидел в кресле, которое ему велико, а стоял у большого тактического стола, положив обе ладони на его край, — и от этого вдруг стало видно, что за последнюю неделю мальчик подрос примерно на год.

— Здравия желаю, ваше императорское величество.

— Александр Иванович. — Он обернулся быстро, слишком быстро для церемонии, и тут же поправился, сбавив шаг до полагающегося. — Благодарю вас за оперативность. Второй раз за сегодня, я считал.

— Я тоже считал, ваше величество. Получается, что второй.

Помимо государя в рубке находились трое старших офицеров его флота.

Яков Гревс. Рядом с ним, скрестив руки, помещался Арсений Павлович Пегов, и выражение его лица не оставляло сомнений: где-то в мире произошло нечто, чего Арсений Павлович не одобряет, и это нечто, вероятнее всего, — текущий век.

Третьей была Зимина.

Командующая эскадрой императора стояла у стола при

фуражке, застёгнутая на все крючки, ровная, как параграф устава. Ничто в её лице не напоминало о канале, закрытом двадцать минут назад с той стороны. Профессионализм — великая вещь, и в тот момент я имел удовольствие наблюдать его в чистейшем виде.

— Быстро вы, Александр Иванович, — сказала она.

— Вы сами говорили о своевременности, Настасья Николаевна.

— Я говорила о приличных людях.

— К счастью, это не одно и то же.

Гревс кашлянул в кулак — так кашляют, чтобы не рассмеяться, а Пегов посмотрел на нас обоих взглядом, каким смотрят на счёт в трактире, где заказывали не вы.

— Прошу к карте, — сказал государь.

Это было сказано без предисловий, и я мысленно поставил мальчику отметку. Взрослые в его положении обязательно произнесли бы речь минуты на три.

Карта висела над столом, медленная и подробная, и на ней уже не было игры в прятки. Противник шёл открыто. Сто четыре боевых вымпела, собранные в плотный ордер, двигались к Суражу-4 с той обстоятельностью, с какой ходят люди, дважды проверившие расчёты. В голове ордера тяжёлым пятном лежал «Новороссийск».

— Четыре часа, — произнёс Гревс. — Плюс-минус.

— Плюс-минус в пользу минуса, — уточнил вице-адмирал Пегов.

Государь смотрел на карту, и было видно, что он смотрит не на картинку, а на цифру рядом с ней.

— Александр Иванович, объясните мне одну вещь. — Он говорил медленно, подбирая слова так, чтобы вопрос прозвучал вопросом, а не жалобой. — Когда мы уходили из столичной системы, у вице-адмирала Суровцева было не более семидесяти вымпелов. Я помню это точно, мне докладывали. Откуда сто четыре?

В рубке стало тихо тем особенным способом, каким становится тихо, когда вопрос задан правильно.

— И ещё, — добавил государь. — Я не вижу здесь «Агамемнона». Флагман первого министра не пришёл. Значит, у Грауса в Новой Москве осталась охрана — я полагаю, кораблей двадцать или тридцать. Их тоже нет в этом строю. Тогда откуда столько?

Я подошёл к столу ближе и пустил по списку глаза.

Это был скверный список. Не потому, что длинный, а потому, что знакомый. Я читал его, как читают перечень гостей на чужой свадьбе, узнавая фамилию за фамилией и понимая, что все эти люди пришли не к тебе. Половина названий в колонне Суровцева ещё неделю назад значилась совсем в других строчках — в наших. Корабли, которые мы били у Новой Москвы-3. Корабли, которые били нас. Корабли, оставленные у столичной планеты с развороченными бортами и погашенными реакторами, потому что тащить их за собой означало не дойти самим.

Одно название я перечитал дважды, и оно было хуже прочих: этот крейсер я четыре дня назад вытаскивал из огня буксирными концами, потеряв на этом двенадцать человек. Теперь он шёл третьим в правом крыле чужого ордера, с погашенными опознавательными и, надо полагать, с новым командиром, которому объяснили, что служба продолжается.

— Ваше величество, — сказал я, — боюсь, ответ у меня всего один, и он вам не понравится. Столичные орбитальные верфи снова доказали свою эффективность.

— Поясните.

— Все недостающие вымпелы — не новые. Это наши подранки. И министерские, и ваши собственные, те, что мы оставили на орбите, когда уходили. За неполные четверо суток верфи ввели в строй несколько десятков корпусов: залатали борта, перезапустили установки, набрали экипажи из того, что нашлось под рукой. Работа грубая. Но чтобы идти в строю и стрелять по прямой, изящества не требуется.

— А охрана столицы?

— Осталась. Только не русская. У Птолемея Грауса под рукой корабли адмирала-паши Рейса, и, надо думать, те самые форты, которые нам тоже пришлось бросить. К этому часу их наверняка привели в порядок. Первый министр не любит оставаться без охраны за спиной. Ну, и наконец, эскадра капитана, которого вы...

Дальше я не стал продолжать и напоминать, что произошло с командами мародёров капитана Длинного.

Государь молчал. Молчал он неудобно долго, тем молчанием, в котором взрослому человеку хочется что-нибудь пообещать, лишь бы оно кончилось.

— Другого объяснения у меня нет, — закончил я. — Мне оно не нравится ровно так же, как вам. Но арифметика редко интересуется нашим мнением.

Государь постоял, глядя на список, и по его лицу было видно, как он по очереди перебирает возражения и одно за другим их откладывает.

— Значит, он ведёт к моей планете мои же корабли, — сказал он наконец.

— Да, ваше величество. Часть.

— Хорошо. — Он сказал это так, как говорят люди, решившие не плакать сейчас, чтобы не мешать работе. — Второй вопрос, господа. Ваши предложения по отражению атаки.

— Позвольте мне.

Контр-адмирал Зимина не спрашивала разрешения, она обозначала очерёдность. Командующая эскадрой имеет право говорить первой, и я был ей за это признателен больше, чем собирался показать. Мне нужны были это минуты. В голове у меня шевелилось нечто бесформенное и назойливое, вроде забытого на плите чайника, о котором помнишь всем телом и никак не можешь вспомнить головой.

Настасья Николаевна шагнула к тактическому столу, и голограмма откликнулась на её ладони с готовностью хорошо

выезженной лошади.

— Исходные. Мы получили то, чего у нас не было вчера: малоподвижные огневые точки с тяжёлыми орудиями. Глупо распоряжаться ими так, будто это корабли.

Она вела ладонью, и светящиеся крупинки послушно собирались в полосу над голубым шаром планеты. Полоса ложилась поперёк той единственной нити, по которой шёл к нам «Новороссийск».

— Две трети фортов ставим одним слоем. Линией. Прямо на пути их подхода, с таким расчётом, чтобы сектора обстрела перекрывались. Любой, кто идёт к планете, получает по защитным полям задолго до того, как сам выйдет на дистанцию уверенного ответа.

— А оставшаяся треть? — спросил государь.

— Вторая линия. Здесь. — Её палец оттянул треть светящихся точек ближе к атмосфере, и чертёж раздвоился в глубину. — Вместе с моими выпелами. Двадцать с небольшим кораблей охранения, и я не собираюсь тратить их в первой же схватке.

Она говорила хорошо. Есть командиры, которые излагают замысел так, будто оправдываются за будущие потери заранее. Есть другие, которые говорят так, будто бой уже выигран, а вы просто пока не в курсе. Вторые опаснее для противника и гораздо утомительнее для собственных штабов. Гревс уже кивал в такт её руке, причём кивал не из вежливости: балтиец узнавал родное. Стена поперёк дороги — это

весь Балтийский космофлот в одном предложении.

— Теперь противник. — Ладонь перевернулась, и со стороны тёмного края стола поползло красноватое скопление. — Валериан Николаевич попытается прошить первую линию на скорости. Он это уже делал: сократил дистанцию на предельном ходу, прошёл сквозь и вышел в тыл, туда, где у крепости нет ни глаз, ни зубов.

— Я помню, — тихо сказал император.

— В этот раз он пройдёт сквозь — и упрётся.

Красное скопление под её пальцами втянулось в узкую полосу, проткнуло первый слой и тотчас увязло во втором — так вязнет шило в войлоке, пройдя первый слой легко и весело. Голограмма послушно догорала красным там, где ей велели догорать.

— Сначала орудия первой линии истончат им поля. Не до конца, конечно, не успеют, но — истончат. Потом вторая линия и мои корабли обнулят остаток. А дальше мы расстреляем их с дальних дистанций, как в тире, и я прошу прощения за сравнение, но оно точное.

Пегов пошевелился. Когда Арсений Павлович шевелится, это ближайший эквивалент аплодисментов.

Гревс подошёл к столу и долго смотрел в глубину чертежа, подобравшись к нему с той стороны, с какой будет смотреть противник.

— Кто управляет огнём первой линии?

— Коменданты по своим секторам, целеуказание общее, с

моего флага. Иначе каждый начнёт стрелять в своё удовольствие, и вместо стены у нас окажется россыпь отдельных крепостей, каждая со своим мнением о войне.

— Разумно, — сказал вице-адмирал Гревс.

Ответ Зиминной был хорош. Вообще, план был настолько хорош, что мне сделалось окончательно не по себе. Замысел, в котором нет уязвимых мест при изложении, обычно имеет ровно одно, и находится оно не в изложении, а в противнике, который этого изложения не слышал и ничего нам не обещал.

— План идеален, — сказал государь, — если противник не разделит силы.

Мальчик сказал это без торжества, просто потому, что увидел. Я отметил себе, что его учили не только кланяться.

— Если вице-адмирал Суровцев захочет поиграть в маневренный бой, его огневая и пробивная мощь сильно упадёт, — ответила Зимина практически мгновенно. — Малые группы смогут выйти нам во фланги, для этого у меня есть корабли и вторая линия, которую можно разделить и развернуть в любом направлении. Дробление — его проигрыш, а он далеко не дурак.

Настасья Николаевна ещё раз провела ладонью, и вторая линия распалась на три группы, разошлась по направлениям и собралась снова. Показывала она уже не столько нам, сколько себе.

— Значит?

— Значит, единственный его шанс — общий навал с одного направления. Клин. Или несколько клиньев рядом. Только так остаётся надежда пробить и выйти нам в тыл. Он проделал это несколько дней назад и запомнил, что это работает. Люди повторяют то, что у них однажды вышло.

— Повторяют, — согласился Арсений Павлович. — Особенно если вышло красиво.

Вот тут чайник у меня в голове и закипел.

Мы с Валерианом четыре года спали в одном кубрике и списывали друг у друга навигацию. За эти годы я выяснил о нём немного, но одну вещь выучил твёрдо: повтор для него — не ошибка, а бедность. Его можно упрекнуть в чём угодно, вплоть до готовности подписаться под чужой подлостью. Только не в том, что он дважды играет одну партию одними фигурами. Всю дорогу сюда он петлял, распадался на группы и гасил за собой наблюдение, а последние часы идёт так открыто, что его ордер можно пересказывать по памяти. Человек не меняет манеру перед самым важным делом в своей жизни без причины. Он меняет её, когда хочет, чтобы на него смотрели именно так, как он выглядит.

Император между тем обводил глазами стол.

— Яков Степанович, у вас есть возражения?

— Нет, ваше величество. План рабочий. Впервые за месяц мы сильнее противника там, где стоим.

— Арсений Павлович?

Пегов помолчал столько, сколько требовалось, чтобы все

поняли, какого труда ему это стоит.

— Возражений нет, — сказал он таким тоном, будто возражал. — При условии, что коменданты успеют развернуться. Я видел, как они работают. Неторопливые люди.

— Сегодня они торопились, — заметил я. — Почти всю дорогу.

На этом совещание могло бы закончиться, и в отсеке стояло то редкое настроение, когда людям, постоянно отступавшим, наконец показали план, по которому они побеждают. Отнимать такой план — примерно то же, что выключить музыку на середине танца. Вахтенные за постами уже сидели чуть свободнее, чем полчаса назад, и это было хуже всего: когда начинает расслабляться вахта, значит, решение уже считается принятым.

— Значит, утверждаем, — подвёл государь и повернулся ко мне, потому что я был единственным, кто ещё не сказал ни слова по существу. — Александр Иванович, вы согласны?

Вот за это я и не люблю совещания.

Зими́на смотрела на меня через светящуюся пыль своей обороны спокойно и даже, пожалуй, с оттенком тепла. В её мире я был человеком, который притащил ей стену из фортов и теперь обязан порадоваться тому, как её расставили. Можно было согласиться. Можно было согласиться красиво, с оговоркой, отложив сомнения на час и высказав их потом ей одной, где-нибудь в кори

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.